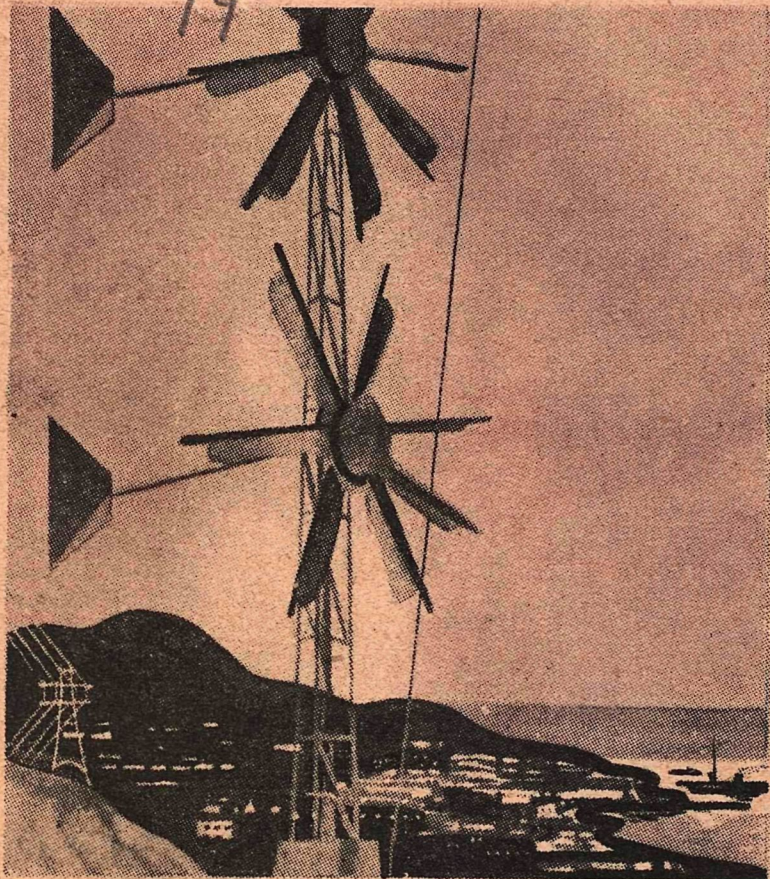

КРОКОДИЛ

Рис. Л. Бродаты

ВОПРЕКИ ПОГОВОРКАМ

Большевики нередко швыряют деньги на ветер. И тогда появляется мощная ветряная электростанция на Ай-Петри.

Большевики кидают деньги в воду. И тогда из воды вырастает Днепрогэс.

Большевики зарывают деньги в землю. Совершенно открыто и не стесняясь. И тогда под землей появляется лучший в мире метро.

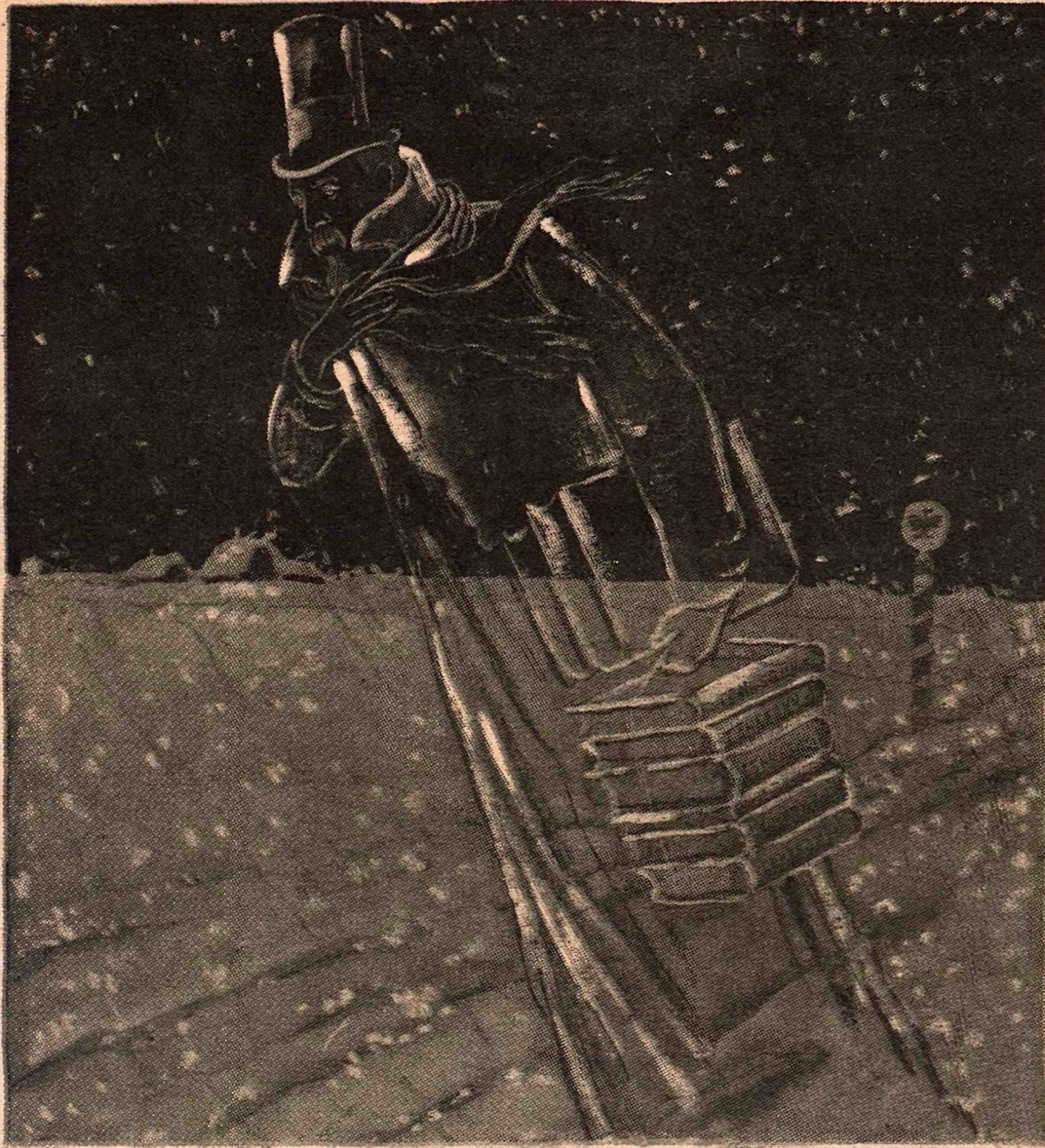
Больше того. Большевики просто бросают деньги в грязь, пользуясь временем сверххранного сева. Но и тогда земля отдает им эти деньги в виде пышного урожая.

МОЖНО ЛИ ПОСЛЕ ЭТОГО ВЕРИТЬ СТАРЫМ ПОГОВОРКАМ?

В СВОЕЙ СТРАНЕ КАК-БУДТО ИНОСТРАНЕЦ

Известный роман классического польского писателя Генриха Сенкевича „Крестоносцы“ запрещен в Польше, так как он „вредит германо-польским отношениям“.

Рис. М. Храпковского

— Камо грядеши, Сенкевич?
— Во всяком случае, — из Польши!..

ЗАКОННОЕ ЯВЛЕНИЕ

„Официально известно, что в числе предприятий, покупающих патенты новейших изобретений с целью их уничтожения, находятся самые мощные тресты“.

„Комон Сенс“ (Нью-Йорк)

Это было в стране, известной только действующим лицам описываемого нами события.

Джордж-Вильям Мекенгем сидел у себя в кабинете и взволнованно икал. По установившейся традиции это означало приступ гнева и получение печальных сведений с фабрики.

— Мистер Мекенгем, — осторожно шепнул секретарь, просовывая голову, — к вам посетитель.

— Попробуйте его выкинуть, не спрашивая фамилии.

— Пробовал. Он держится за кресло и не уходит.

— Пустите его ко мне. От меня он вылетит вместе с креслом.

В комнату вошел плохо одетый молодой человек, почтительно поклонился и опустился на стул.

— Кто вы такой?

— Моя фамилия Бирт. Я инженер и ангел.

— Ангел? Вон! Я не имею никаких коммерческих дел с ангелами и другими нищими.

— Я ангел особого назначения. Я — ангел-спаситель. Я хочу спасти вас от разорения. Мое изобре...

— До вас я выкинул за сегодняшнее утро уже девять изобретателей. Не думайте, что если вы десятый, — вам повезет. Я ненавижу изобретателей, как змей в собственной спальне. Вы понимаете?

— Нет.

— Тогда вы идиот. Я купил у одного изобретателя патент на электрический бак, который заменяет стиральную машину, ванну для детей, прибор для мытья кошек и складную кровать. Я вынул сто тысяч моих баков и потерял миллион долларов. Население из экономии стирает штаны в

речке, тут же купает ребят, топит кошек и спит на берегу, выпив сырой воды вместо пива. Я купил у другого изобретателя патент на мотоциклет, заменяющий в хозяйстве корову, жену, двух негров и кофейную мельницу. Снова десять тысяч. Снова миллион убытка. Население не купило ни одного мотоцикла на том основании, что корову можно доить, а его нельзя. Негров можно вешать, а его нельзя. Вы понимаете? Идите к чорту с вашими изобретениями!

— А я думал, — уныло вздохнул изобретатель Бирт, — что ваше производство...

— Молчите. Мое производство выпускает теперь только одни безопасные бритвы. Слава богу, что из экономии еще никто не зарастает бородами и что нельзя бриться тросточками и половыми щетками.

— Дело как раз идет о бритве, — робко уронил Бирт. — Я принес вам, мистер Мекенгем, патент на особую бритву, которая никогда не ломается, не ржавеет, не тупится. Человек, купивший эту бритву, бреется ею не меньше шестидесяти двух лет. Потом она переходит к сыну, который бреется ею еще минимум четверть века. Колоссальная экономия.

— Итого восемьдесят семь лет одной бритвой, — с ужасом прошептал Джордж-Вильям Мекенгем. — Бандит! Мерзавец! Восемьдесят семь лет такой человек больше не будет покупать ни одной бритвы, а я должен будет ходить по улицам и продавать спички... За такие изобретения надо бросать с мостов, предварительно сломав спинной хребет!

— Хорошо, — испуганно поднялся со стула изобретатель. — Не надо бросать с мостов. Я ушел.

— Погодите. Не будьте идиотом. Сколько вы хотите за ваше проклятое изобретение?

— Десять тысяч долларов наличными.

— Так... Десять тысяч... У вас есть еще один костюм, кроме этого?

— Увы, мистер Мекенгем, последний.

— Ах, последний! Тысяча долларов и ни цента больше!..

— Мистер Мекенгем... Пять тысяч!

— Когда вы в последний раз обеды? Четвертого дня? Пятьсот долларов. Ни цента. Вы сюда пришли пешком? Да? Двести долларов. Берите, или я позвоню!

— Хорошо, мистер Мекенгем. Хорошо.

— Нате вам записочку в контору. Сто долларов тоже деньги. Не благодарите. Я этого не люблю.

В конторе изобретатель Бирт тщательно пересчитал деньги, вспомнил, что рядом есть ресторан, слегка ожил и вкрадчиво сказал серьезному джентльмену в больших очках:

— Мистер... Я бы очень вас попросил прибавить к моему гонорару хотя бы две дюжины из первого выпуска моих замечательных бритв.

— Болван, — сухо ответил человек в очках, — неужели вы думаете, что их кто-нибудь собирает выпускать? Выход налево. Заприте за собой дверь. Шляются тоже этакие...

Изобретатель робко почесал за ухом и боком вышел на улицу.

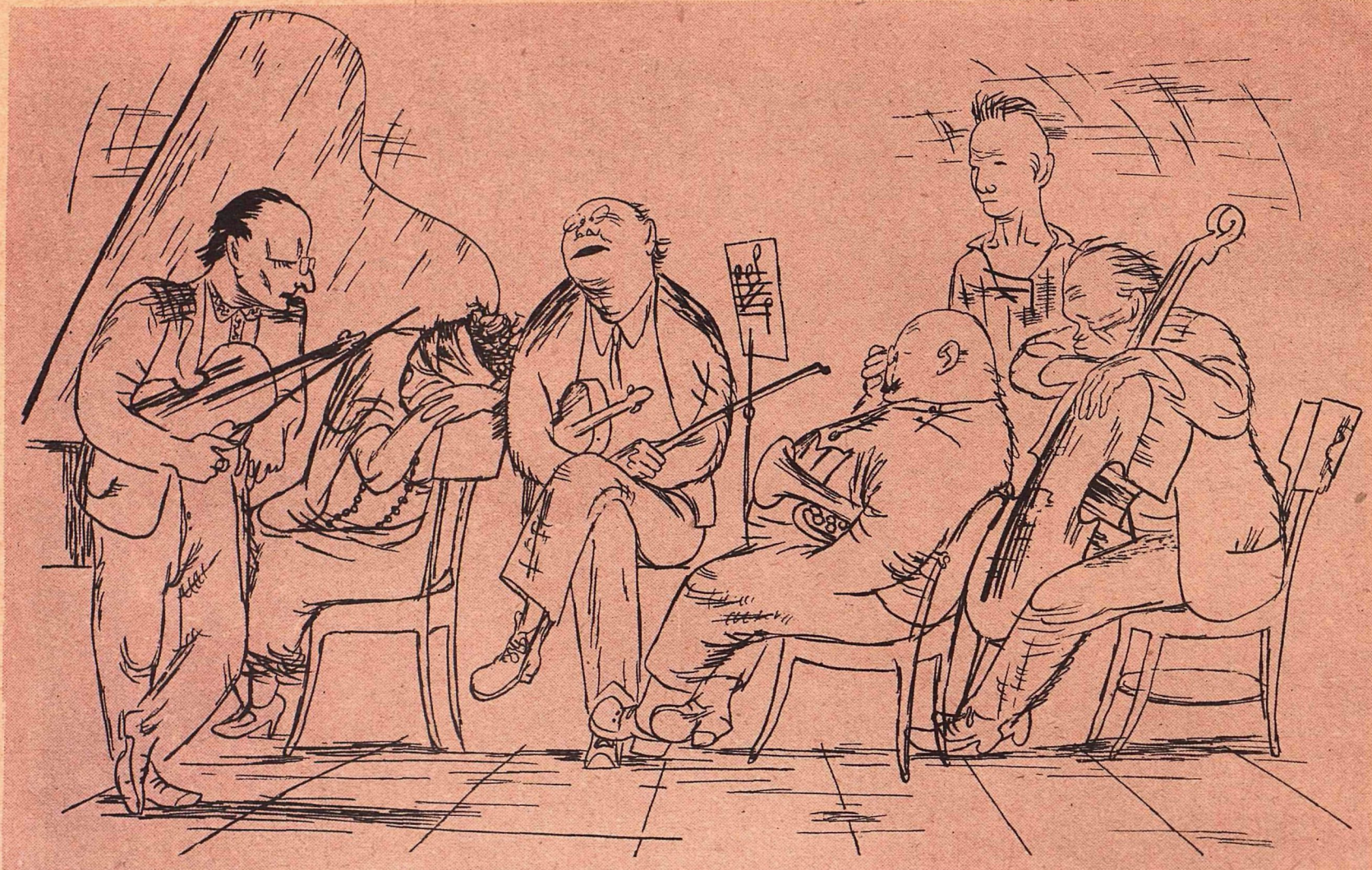
А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

В ДНИ ШАХМАТНОГО ТУРНИРА

Рис. К. Ротова

Всесемейный сеанс одновременной игры

— Люблю старинные песни... Ну, как передать современными словами: „Ах, и уснул тот добрый молодец под сырую мать-землицей!“

— А очень просто: после театра задремал комсомолец в вагоне московского метро.

П Т А Х И

1. КРАТКОЕ ВВЕДЕНИЕ

«Курица — не птица...»

С этим, товарищи, пора покончить. Курица тоже птица. На сегодняшний день это твердо установлено.

Установлено, что курица не только птица, но и птаха. Хотя бывают и другие птахи.

Что же такое птаха? Раз'ясняем: по-украински птаха означает — птица.

А потому можно сказать:

«Пташка божия не знает ни заботы ни труда».

Сюда же относится и следующая поговорка:

«Птаха по зернышку клюет и сыта бывает...»

Дозволяется также, вперея свой ясный взор в голубую даль, мечтательно продекламировать:

«Новые времена — новые птахи»...

Сейчас новых птах не мало. Для ясности перечислим:

Укрптахпродукт. Укрптахпром. Укрмолокоптах. Укрптахопухтрест. Укрптахоцентр.

Есть и такая птица:

Укринкубаторцентр.

У всех этих птах много перьев. Больше, чем пуха.

Много перьев и не мало чернил.

Птахи кудахчут и несутся. Но кладут они не яйца, а резолюции и протоколы.

Вследствие чего получается... Но об этом в следующей главе.

2. ИСПОЛНЯЯ ОБЯЗАННОСТИ КУРИЦЫ

Задумали птахи овладеть техникой. Довольно курам греть яйца! Надо и честь знать — засиделся.

Сотворили птахи инкубаторы. Наименовали их «лилипутами». Разослали «лилипотов» по птицефермам:

«Положите, дорогие товарищи, куриные яйца в инкубаторы и через 21 день ждите чуда».

Так и сделали. Ждали. Вскрыли инкубаторы через двадцать

один день. Ни малейшего чуда. Ни единого цыпленка. Прямотаки — курам насмех.

Собрались птахи на совещание и постановили ликвидировать «лилипотов» в виду их негодности.

И еще постановили: создать новый тип инкубатора под названием «гигант».

Но «гиганты» пошли по столам «лилипотов». Даже хуже того. Там хотя бы яйца оставались в целости. Здесь же яйца трескались, и из скорлупы то и дело вылезали уроды и задохлики.

Обратились птахи к ученым людям:

— Высокоуважаемые специалисты! Сказано, что и цыпленки хотят жить. Отчего же они у нас дохнут сверх планового задания?

Ученые люди осмотрели инкубаторы и сказали:

— Дорогие и дорогооплачиваемые птахи! Инкубаторы — хорошая штука. Побольше хороших инкубаторов! Но ваши «гиганты» — хромные и чахоточные. А кроме всего прочего, нет за ними правильного ухода.

Выслушали птахи эту речь и... Но об этом в следующей главе.

3. СУМЫ И СУММЫ

Итак, выслушали птахи речь ученых людей и легли спать. Они спят, а жалованье идет. И растут всяческие денежные суммы.

Для примера приведем некоторые статистические данные по Сумской инкубаторной станции. И отсюда читатель узрит высокополезную деятельность описываемых нами птах.

В 1931 году надо было заложить в сумский инкубатор 1.332.000 яиц.

Заложено 268.280.

Вылупилось цыплят 73.160. В том числе до 30 проц. уродов.

Стоимость цыпленка — 82 копейки.

Подвели птахи итоги. Но в унынке не впали. И даже друг друга премировали. А затем наступил 1932 год.

Надо было заложить в инкубатор 72.800 яиц. Заложено 8.489. Вылупилось цыплят 4.221. Стоимость цыпленка — 1 р. 25 коп.

Подвели птахи итоги. Опять-таки не покинула их жизнерадостность. Друг друга премировали и за этим делом не заметили, как подошел 1933 год.

Надо было заложить в инкубатор 120.000 яиц. Заложили 17.839. Вылупилось цыплят 7.038. Стоимость цыпленка—3 р. 82 коп.

Подвели птахи итоги. Но не будем обременять читателя обильем цифр. С присущей нам откровенностью скажем: и в 1934 году были приблизительно такие же результаты.

В общем, только одна Сумская инкубаторная станция дала убытку государству свыше 103 тысяч рублей.

При чем следует отметить, что наши птахи свили себе гнезда не только в Сумах... Но об этом в следующей главе.

4. А ВРЕМЯ ИДЕТ...

Время идет, а куры несутся. И от этого получаются яйца. И вот яйца поступают на Волчанскую инкубаторную станцию, Харьковской области.

А на этой станции в должности директора сидит птаха по фамилии Максименко.

И когда яйца поступают к этой птахе, они быстро исчезают. За прошлый год таким образом исчезло около 18 тысяч яиц.

Себе Максименко взял только 900 штук. Остальными угощал всех ответственных работников районного масштаба. Даже кассиру железнодорожной станции дал несколько сот. Кассир — человек нужный, ему лишняя яичница не помешает.

Но не все яйца оседали в Волчанске. Максименко значительную часть яиц экспортировал в Харьков. Например на велозавод. За что получил велосипед. Например в столовую Красного креста. Продавал по 5 руб. десяток. По книгам записал 3 руб. Разницу — в один из своих карманов.

Карманов у Максименко много. Чтоб заполнить их, одних яиц нехватает. Нехватает и премии, полученной из Харькова от областного земельного управления. Тут на помощь приходят нефть и керосин.

Инкубаторная станция получает «для нужд производства» нефтепродукты. Это, знаете ли, тоже товар. Максименко сразу усвоил эту простую истину.

За 1934 год станцией «отпущено» разным учреждениям и лицам 528 кило керосина, 848 кило бензина, 438 кило лигроина, 337 кило машинного масла, 3.499 кило нефти.

Все это отпускалось за деньги, а также в обмен на муку, мед, яблоки...

А также в обмен на собаку. Максименко понадобилась собака. Охотник.

Такой же охотник и Наливайко.

В Волчанск на инкубаторную станцию часто приезжал референт областного земельного управления Наливайко.

Бывало, как приедет, так и начнет реферировать... Но об этом в следующей главе.

5. В СУХОЙ ПРОТОКОЛЬНОЙ ФОРМЕ

В материалах, лежащих перед нами, сказано в сухой протокольной форме:

«Двести штук яиц и ряд других продуктов взял на Волчанской станции референт Наливайко».

Но надо не знать Наливайко, чтобы думать, что он свои референции ограничил бы таким ничтожным масштабом.

Из тех же материалов становится ясным, что Наливайко центром своей деятельности избрал Лозовскую инкубаторную станцию.

Здесь вкупе с директором станции Колесниковым, премированным областным земельным управлением, Наливайко развил большую коммерцию.

«Продажу 2.460 штук яиц буфету Харьковского вокзала, Южных дорог, Колесников оформил по бухгалтерии по цене в 3 рубля за десяток. Фактически яйца были проданы по 5 рублей. Разницу, по заявлению Колесникова, присвоил себе Наливайко. Последний же утверждает, что Колесников поделился с ним...»

И еще сказано в тех материалах:

«Один ящик яиц в 1.440 штук взял лично т. Наливайко, якобы для облзу...»

И еще сказано в тех материалах... Но об этом в следующей главе, которая должна быть написана уже не нами, а судебными органами.

Г. ГРИГОРЬЕВ

В ЛЕСНОЙ ТИШИ

Рис. А. Топикова

ЗАЙЧИХА (зайчонку): — Заткни уши лапками, дорогой, сейчас дядя охотник начнет ругаться скверными словами; у него опять пистоны никуда не годятся...

РЕАБИЛИТАЦИЯ КРЫС

Ставим вопрос прямо: почему крысы и мыши пользуются в быту дурной славой? Какие для этого есть предпосылки?

Пора, давно настала пора реабилитировать этих незаслуженно оклеветанных четвероногих.

Гоголевскому городничему приснились крысы, — значит, быть несчастью.

В кооперативе разворован товар, — тоже крысы виноваты. Довольно вешать на крыс всяких собак...

Крысы тоже приносят пользу. И немалую.

В камерах судебных исполнителей Харькова накопилось свыше 8 тысяч дел по искам, лежавшим без движения. Еще с 1930 года.

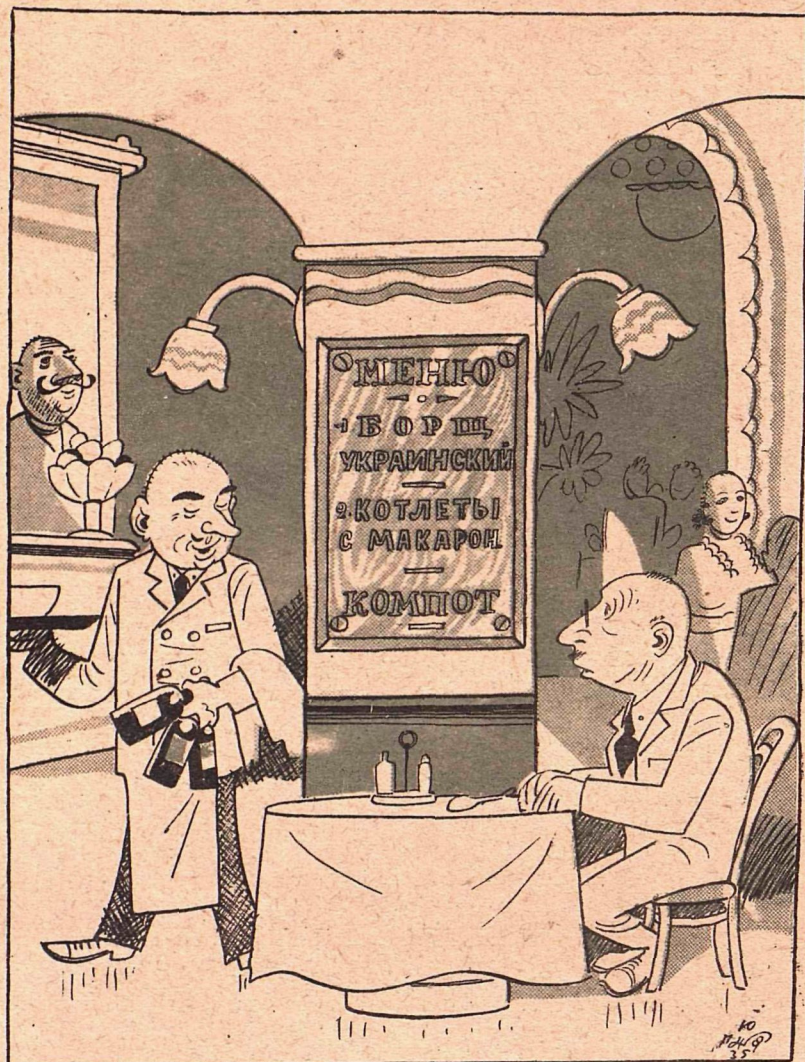
Над заместителем председателя Харьковского областного суда Гайлитом и старшим судебным исполнителем Бродлипом нависла угроза: их, отвечающих за своевременное взыскание по искам, могли обвинить в бюрократизме и волоките.

И только благодаря крысам Гайлит и Бродлип избежали несчастья. Вот один из актов, подтверждающих чуткое отношение крыс к людям, попавшим в беду.

В ящиках судисполнителя Комаркова все дела оказались сданными крысами. Удалось установить номера лишь следующих дел... В отношении остальных дел ничего установить невозможно, так как они сданы на мелкие клочки.

Была волокита. И нет волокиты. И все только благодаря энергичному вмешательству крыс. А еще говорят, что крысы приносят вред. Это, знаете ли, кому как.

Рис. Ю. Ганфа

— А где у вас меню?
 — На стенке. Мы его из мрамора заказали: все равно оно у нас никогда не меняется.

СИЛА ПРИВЫЧКИ

Однажды на глухую станцию Моргаевка приехали на сельсоветском тарантасе кооператоры Пыжик и Задорный, командированные из областного центра для обследования местной торговой сети. Обследование они провели и теперь возвращались домой.

Отпустив возницу, румяный Пыжик, одетый в гремучий, словно из жести, макинтош, сказал хмурому и желчному Задорному:

— Приятно, черт возьми, возвращаться к родным пенатам. Скоро откроют кассу, мы подадим записку на броню от Паркетова... Кстати, вы взяли записку от Паркетова, товарищ Задорный?

— Позвольте, ведь это вы должны были подковать Паркетова на записку, товарищ Пыжик!

— Ничего подобного! Я должен был ковать не Паркетова, а Кумысова. И я его действительно подковал, но за это время Кумысова проработали в газетах и сняли. Теперь по его записке нам с вами даже вот этот козел не выдаст билетов!

Кооператоры переглянулись. По серому нудному небу ползли осенние тучи, готовые ежеминутно расплакаться. Мальчик в батькином картузе провертывал несложные свои делишки у станционного заборчика. Старый, голстый козел, похожий на Наполеона III, гулял по пустынному перрону.

— Следующий поезд идет через сутки, — тихо сказал Задорный. — Если мы сегодня не уедем, мы здесь пропадем, то варищ Пыжик. Буфета нет, спать негде, до ближайшего колхоза двенадцать километров с гаком, грязища на дороге невероятная...

Пыжик поморщился. Он был оптимистом и не любил нытиков.

— Только без паники, товарищ Задорный! Только без паники. Идем прямо к начальнику станции, предъявим наши командировки...

— Плевать хотел моргаевский начальник на наши командировки, товарищ Пыжик. Чем меньше станция, тем неприступнее ее начальник. Это — закон железнодорожной природы.

— Только без паники! Тогда будем искать иной путь к его

мохнату сердцу. Время у нас есть, не будем его терять. Эй, мальчик! Поди сюда, милашка!

Мальчик в батькином картузе неспеша подошел к кооператорам и сурово спросил:

— Ну, чего?

— Скажи, милашка, где тут живет начальник станции?

— А на что он вам?

— Какой бойкий ребенок! Разговор есть. Мы из центра, командировочные.

— Командировочные? Говорите прямо со мной. Я все равно начальников сын.

Пыжик заулыбался.

— Очень приятно познакомиться, так сказать, с наследным принцем станции Моргаевка. Как вас зовут, мальчик? Петей? Чудное имя! Скажите, товарищ Петя, вы любите печенье?

— Люблю, — сказал Петя, — давай сюда.

Пыжик извлек из глубины макинтоша непечатую пачку печенья и протянул мальчику. Хрустя и чавкая, наследный моргаевский принц стал уничтожать лакомство со скоростью три галеты в секунду. У Пыжика зарябило в глазах.

— Какой бойкий ребенок! Где сейчас твой папа, Петя?

— Дома был. Дрыхнул.

— Очень, очень приятно. Веди нас к своему папе, юноша.

— А печенье еще дадите? Мне на той неделе один командировочный целую коробку мармеладу скормил.

Кооператоры пошарили в карманах и преподнесли жадному Пете пять конфет и кусок престарелого сыра. Петя сунул конфеты в рот, а сыр — в карман и повел путников к белому домику с палисадником. Фыркая, козел последовал за ними, замыкая шествие.

На крыльце белого домика стояла обширная женщина с сердитым лицом. Потрясая веником, она кричала:

— Ты опять идешь, негодяй! Вот я тебя палкой!

Пыжик испуганно попятился.

— Это она на козла, — успокоил его Петя. — Он у нее вчера подушку с'ел. Зашел в комнату, когда никого не было дома, и ахнул подушечку. Одежло успели отнять, а от подушки не осталось ни пера, ни пуха.

— Кому принадлежит это вредное животное, товарищ Петя?

— Нам принадлежит.

Не будем дословно передавать тонко дипломатических переговоров товарища Пыжика с супругой начальника станции Моргаевка. Из переговоров выяснилось, что «самого» нет дома, но что на станции «сам» будет через двадцать минут. Отметим далее, что товарищ Пыжик довольно искусно свернул разговор на вопросы животноводства и неожиданно предложил супруге начальника станции Моргаевка уступить ему козла за тридцать наличных рублей.

Вслед за совершением акта купли-продажи моргаевская начальница удалилась в свои апартаменты и через пять минут вынесла товарищу Пыжику ответный дар — незапечатанный конверт, в который вложена была следующая записка:

«Ванюша, скажи кассиру, чтоб отпустил этим симпатичным гражданам два билета куда им требуется, они купили у нас козла.

Анюта».

Сняв с себя брючный ремень, хозяйственный Пыжик сделал из ремня ошейник, надел его на козла и потащил животное за собой. Товарищ Задорный палкой пресекал попытки козла нанести предательский удар в тыл товарищу Пыжику.

— Не беспокойтесь, товарищ Задорный, — говорил Пыжик, увертываясь и подпрыгивая, — пятнадцать рублей на брата — не расчет. Пометим в отчетах как расходы на носильщика. Зато уж теперь-то мы билетами обеспечены! А эту рогатую тварь мы бросим сразу, как только подойдет поезд.

Кое-как кооператоры притащились на станцию. Оставив козла на попечение Задорного, Пыжик с запиской начальницы в руках бросился на розыски Ванюши.

Появился он на перроне через десять минут, мрачный и крайне растерянный.

— Ничего не понимаю, — бормотал Пыжик, — он говорит, что в кассе было пять билетов, но их за последние полчаса продали. Вы слышите, товарищ Задорный, взяли и просто так, как дрова, продали прямо из кассы! Где, — он говорит, — вы раньше были. Подошли бы вы, говорит, к кассе и взяли билеты. Боже мой, какая дикая станция! Какая глушь! Билеты продают первому встречному.

А в теплых и освещенных вагонах прогромыхавшего поезда долго обсуждали, кто бы это такие могли быть — два гражданина с портфелями и огромным черным козлом, безнадежно и тоскливо топтавшиеся на перроне, оставшемся далеко позади.

Л. ЛЕНЧ

НА СУШЕ И НА МОРЕ

В ЗИРАЯ НА ЛИЦА

Странные дела творятся нынче на испанском фронте... Перед нами отставная испанская инфанта (наследная принцесса) Беатриса, которая выходит замуж за принца Горлония. Посмотрите на ее грустное лицо и вздохните в знак полного сочувствия. Тяжеловато нынче инфантам с принцами. Из какой еще страны выгонят.

В МАНУФАКТУРНОМ РАЮ

Не все в Манчестере (Англия) пользуются дорогими сортами местной мануфактуры. На нашей фотографии — старик-безработный на манчестерской улице, вся одежда которого состоит из старых газет. Бубен в руках безработного служит для привлечения к нему внимания манчестерцев. Без бубна они вряд ли обратили внимание на эту столь обычную для манчестерского мануфактурного района картинку.

Тут же взгляните на лицо этого парнишки. Это испанский рабочий-революционер, которого фашистские жандармы ведут в тюрьму. Ему есть над чем улыбаться. Разве не ему принадлежит будущее Испании?

Видите, какие странные дела творятся на испанском фронте...

В ОБЩЕСТВЕ И СВЕТЕ

Торжественный момент — фотографирование собачки Дези, получившей приз за красоту на великосветской собачьей выставке в Айлингтоне (Англия). На фотографирование было получено специальное разрешение от владельца Дези, который поставил условие, чтобы снимки были помещены лишь в консервативных газетах, так как он не желает, чтобы портрет его Дези появился в изданиях другого политического лагеря. На выставку Дези привозила специальный завтрак из дома, так как Дези привыкла только к своему повару. С выставки Дези уехала на автомобиле, охраняемая специальным камердинером, чтобы ее никто не похитил и не обидел по дороге.

СЛУЧАЙ В ТЕАТРЕ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

Кстати о формализме в театре...

Молодой режиссер Сенокосов ставил в провинциальном театре возможностей новую пьесу.

Пьеса была обычная, из расчета на сорок два действующих лица — одиннадцать положительных, семь отрицательных, а остальные ходили бодрой полуротой по сцене и произносили вслух цитаты или валялись по полу под надрывавшийся за кулисами баян. Два специальных чревоушателя из ГОМЭЦ лаяли за сценой собакой, изображая степное безлюдье, а стажирующий помощник режиссера в тех же целях и в специальном гриме имитировал в фойе волчью стаю.

Особых затруднений с постановкой не предвиделось, так как театр возможностей был оборудован и приспособлен для самых разнообразных изысков в сценическом искусстве. Сцена была на галерке. Зрители сидели, разбросанные по всему помещению, откинувшись назад, как в зубодробительных креслах, чтобы увидеть изредка мелькавшие то там, то здесь ступни и икры героев и второстепенных персонажей. Чтобы не рассеивать общего впечатления, билетеры ходили босиком, а вместо традиционного гонга начало и конец действия возвещал специально законтрактрованный вместе с бубном безработный шаман.

Особых затруднений с постановкой... Впрочем, мы об этом уже говорили. Затруднение произошло и совершенно неожиданно.

Героиня пьесы Аглая по ходу действия должна была отвергать любовь некоего Никодима. Авторская ремарка говорила об этом скромно и конкретно:

— Отталкивает.

По замыслу режиссера Сенокосова сцена отталкивания имела реалистический и актуальный характер. Аглая упиралась Никодиму в живот, скрипки подхватывали ее жест буйным аккордом, Никодим делал в воздухе двойное сальто и падал около ошеломленных зрителей в проходе. Шаман ударял в бубен, босые капельдинеры зажигали свет, и на этой эффектной точке кончался акт.

На одной из репетиций скрипки взяли аккорд несвоевременно, Аглая уперлась в Никодима не с той стороны и сломала ему ногу. Никодима, ныне просто А. П. Репкина, перенесли в оркестр, где он и остался на истекающий сезон в качестве солиста на треугольнике.

Роль освободилась. Надо было искать заместителя. Воспользовавшись этой заминкой, автор успел переделать положительного Никодима в отрицательного Никиту, лишил его слов и сделал рыжим для усиления комического элемента в пьесе.

Через два дня помощник режиссера таинственно прошептал на репетиции режиссеру Сенокосову:

— Нашел. За вторую собаку лаять буду я, а исполнитель собаки сможет сыграть Никиту. Вот он.

Перед Сенокосовым с радостной улыбкой на краснощеком лице стоял молодой человек, буйно горевший пламенем искусства.

— Вы?

— Я, — упоенно ответил молодой человек. — Давно добивался поиграть. Очень хочется.

— Старо, — строго остановил его Сенокосов. — Сцена — это прошлое. Оно рухнуло. Актер должен быть вне сцены. Он в публике. Он наверху и под. Понятно?

— Хорошо, — быстро согласился молодой человек, — я буду вне. Если надо и под. Пожалуйста.

— Можете стоять на одной руке?

— Не больше двадцати минут. Потом устаю.

— На шесте раскачиваетесь?

— Извиваюсь, как кошка.

— Приступим. Ваш первый выход — с дерева. Во втором акте вы как отрицательное явление сидите на дереве и игнори-

руете жизнь. Потом вы замечаете любимую женщину и начинаете ползти по канату. Дальше, под флейту вы прыгаете через своего соперника и стараетесь оскорбить его ухом... Понятно?..

— Почти, — несколько неуверенно ответил молодой человек и почему-то вздохнул. — Моя фамилия Пифоев. Начнем.

Уже после первых трех репетиций Сенокосов деловито сказал директору:

— Прибавьте ему жалованья. Клад.

Пифоев проделывал все, на что только даже отдаленно намекал режиссер Сенокосов. На любую лестницу он поднимался только на руках. В сцене с Аглаей он, не дожидаясь ее толчка, проделывал в воздухе тройное сальто и уходил со сцены на голове, подкидывая ногой шляпу. Даже в сцене похорон дяди Пифоев ходил колесом, придерживая в зубах, как символ мещанского счастья, поднос с недорогим сервизом.

Единственно, что огорчало Сенокосова, это скорбное выражение на лице Пифоева, которое становилось все рельефнее и рельефнее с каждой репетицией.

— Смотрите веселее, — бодро говорил ему Сенокосов, — в вашем лице театр возможностей приобрел настоящего актера. Зачем эта традиционная ходьба по сцене и говорение слов. Старо! Отжило! Человек в реальной жизни говорит слова, но хочет стоять на голове. Он ложится спать, но мечтает о том, чтобы сделать двойное сальто на глазах у общественности. Человек пьет ситро, но мысленно ходит колесом. На сцене надо обнажать внутренние позывы человека. Канат плюс музыкальное оформление, минус сцена — вот подлинное искусство, и театр возможностей умело подметил это. Работайте, Пифоев. Из вас выйдет блестящий актер. На премьере старайтесь ходить на голове около самых зрителей. Зритель должен уйти из театра взволнованным.

Пифоев мрачно кивал головой в знак согласия и худел на глазах у действующих лиц и босых капельдинеров.

На последних репетициях он играл свою роль так вяло и с таким безнадежным видом, что Сенокосов даже прикрикнул:

— Не имитируйте утопленника! Веселее!..

— Не могу я, — страдальчески уронил Пифоев, — не лезет.

— Как?

— А, да что говорить, — безнадежно махнул он рукой и безучастно стал на голову, изображая уход от действительности.

На спектакль Пифоев не пришел.

После поломки ноги бывшего Никодима это был первый серьезный удар по премьере.

— Приведите мне этого человека живым или мертвым! — метался Сенокосов. — Я не дам без него второго звонка. Без него зритель не уйдет взволнованным!

Пифоева нигде не было. Зрители ели в буфете сухое печенье и стучали ногами. Наскоро надев ботинки, билетеры бегали по всему городу за Пифоевым.

В половине одиннадцатого один из них подал Сенокосову коричневый конвертик с запиской, на которой незнакомым размашистым почерком было бегло написано синим карандашом:

«Я — в цирке. Вернулся на прежнюю работу. Уже загримирован. Сейчас мой выход. Здесь — тоже без слов, тоже на голове и тоже под скрипку, но только представление раньше кончается и можно поспеть на трамвай. Прощайте. Пифоев».

Сенокосов быстро изорвал записку и пугливо осмотрелся по сторонам.

— Никто не читал записки? — шопотом спросил он у билетера.

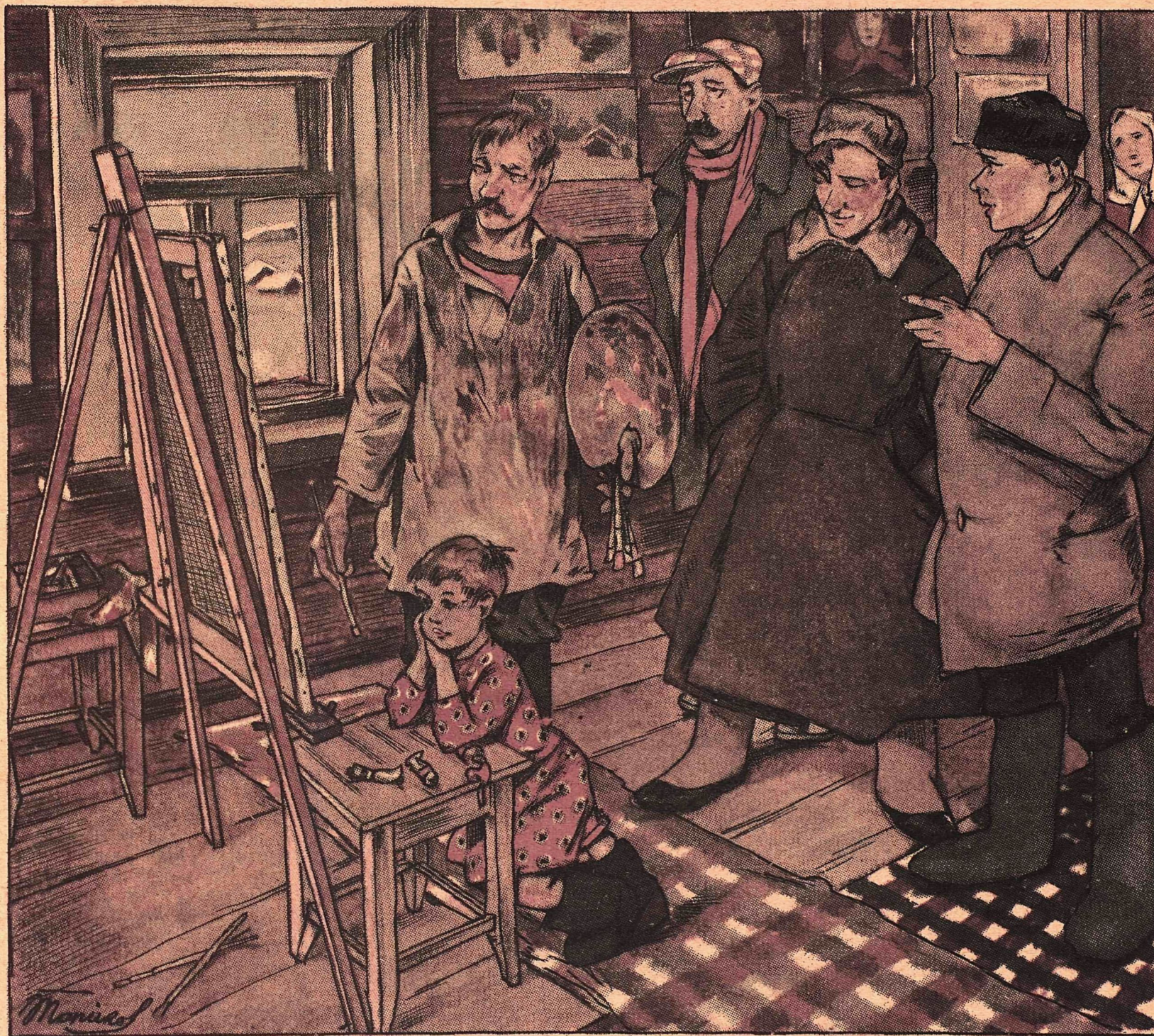
— Никто, товарищ Сенокосов.

— Так... Ваша фамилия Пигусов? На руках стоять можете? Да? А с декорации прыгать можете? Да. Идите, гримируйтесь. Только бородку какую-нибудь для настроения нацепите...

Премьера в театре возможностей была спасена.

Арк. БУХОВ

Рис. А. Топикова

— Обратите внимание, Сергей Иванович, Петров у нас по всем статьям ударник: и как художник и как полевод. Как художник он написал с натуры, как у нас ремонтируют инвентарь, а как полевод он в то же время написал об этом заявление в правление колхоза.

БРАТЯ-ПИСАТЕЛИ

ШОЛОХОВ

В пример писателям иным,
Что величавы, словно павы,
Он скромно, даже с целины,
Снимает урожаи славы.

КАССИЛЬ

Скажу и двадцать лет
спустя:
Кассиль — способное дитя.

ПРИШВИН

Он, несмотря на бороду
и годы,—
Чистейшее дитя охотничьей
породы.

ФЕДИН

Осваивая древний опыт,
Нам Федин показал пока

Не похищение Европы,
А ввоз голландского быка.

ВИШНЕВСКИЙ

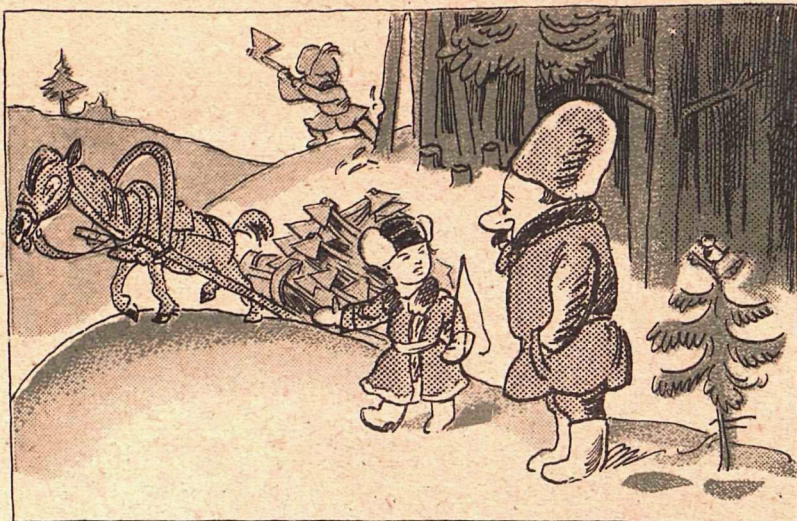
Он знает все: аз, буни, веде,
Он даже Джойса одолел —
Оптимистических трагедий
Неистошимый скорострел.

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ИСПРАВЛЕННАЯ ЦИТАТА

В Юрезанском леспромхозе (Башкирия) негде отточить топор.

Рис. А. Радакова

— Отец, слышишь, рубит, а я отвожу... топоры точить!

ПРОДУВНОЙ ПОКОЙНИК

Известно, что все великие люди имели привычку перед смертью произносить какие-нибудь многозначительные слова, каковые впоследствии долго комментировались озадаченными исследователями. Похоже на то, что великие покойники порою делали это специально затем, чтобы задать работу заинтересованным потомкам.

Так, например, ведомо, что Гете воскликнул в последнюю свою минуту:

— Света мне, больше света!.. Чехов, как известно, при подобных же обстоятельствах произнес по-немецки:

— Их штербе...

Умирающий в муках художник Ренуар за несколько мгновений до своей кончины потребовал кисть, чтобы нарисовать модель стоявшей перед ним этрусской вазы. Пока искали кисть, мастер умер.

А какой-то наполеоновский маршал, умирая, потребовал, чтобы в комнату внесли боевые знамена, под которыми он сражался, и развернули последние над его головой. Что и было исполнено в аккурат.

К сожалению, жителям города Коврова, среди которых, вероятно, есть не мало уважаемых и интересных личностей, когда наступит их смертный час, не придется отлучиться напоследок что-нибудь этакое изящное. Нет, никто из них не потребует перед смертью ни света, ни кисти, ни знамени. Каждый из ковровских граждан, кому природой назначено отойти, как говорится, в мир иной, озабочен другой задачей.

— Карточку мне! Хлебную карточку! И чтобы все талоны были в порядке!..

Так рекомендуется воскликнуть перед кончиной любому ковровскому покойнику. И только зажав в холодеющей руке вожделенные хлебные талоны и положив кооперативную книжку с оплаченным дифпаем в изголовье, умирающий ковровец может спокойно предаться своему прямому делу — смерти.

Но горе тому, кто, занятый своими предсмертными сборами, легкомысленно не позаботился о хлебной карточке или, чего доброго, выбросил ее через форточку после постановления правительства об отмене карточек на хлеб! Такого ветрогона в Коврове после кончины ожидает, как мы увидим из дальнейшего нашего повествования, довольно непривлекательная участь.

В конце января рабочий Ковровского инструментального завода хоронил свою дочь. Из дома к кладбищу тронулась погребальная процессия. Под звуки траурного марша лошади в черных наглазниках и с пушистыми плюмажами тихо везли колесницу с витыми белыми колонками. Вслед за оркестром молчаливо шли родные и друзья с заплаканными лицами. Все вершилось по грустному погребальному чину...

Таким образом траурное шествие доехало до самых кладбищенских ворот, как вдруг произошло нечто неожиданное. Вышедшее навстречу процессии кладбищенское начальство категорически заявило, что принять покойника к захоронению ни в коем случае невозможно.

— Возите обратно! Загс запретил хоронить! Покойница не сдала хлебную карточку.

Тотчас родные умершей побежали в загс. Но ковровский загс оставался непреклонным — без хлебной карточки не дадим разрешения на похороны!

— Позвольте, ведь карточки на хлеб давно отменены... Ведь на январь-то их и не выдавали, голубчики... И нужны-то они теперь, как зуб подмышкой!..

— К нам, товарищ, такого распоряжения не поступало, — ответствовали в загсе. — Сначала сдайте карточку, а потом умирайте на здоровье. Ишь, хитрецы выискались!.. Этак каждый умрет и карточки не сдаст. Ну, и продувной нынче пошел покойник!

Не зная что предпринять, родители пошли к находившемуся в это время в Коврове представителю Комиссии советского контроля, который тотчас же позвонил по телефону в загс: дескать, надо знать, карточки отменены. И вообще, что вы охолпели, други, что ли. Где живете?! На какой планете?! Но из загса пробубнили:

— К нам такого распоряжения не поступало. И вообще, товарищи, не мешайте работать. У меня две свадьбы из-за вас стоят. Шафера нервничают. Дайте отбой!

В этот день в Коврове трем

умершим было отказано в похоронах за то, что они позволили себе скончаться, не сдав хлебных карточек.

Исторический декрет так-таки и не дошел до ковровского загса!

Интересно, добрал ли до ковровских чиновников декрет об организации советской власти? О национализации земли? Об отделении церкви от государства?

О борьбе с преступным бюрократизмом и о примерном наказании за таковой?!

БРАТЬЯ ТУР

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

1. ПОРТРЕТ

— И нечего стесняться. Раз он проштрафился, будь он начальник из начальников, на черную доску его! Давайте карикатурку на него поместим на черной доске. Посмешнее пригвоздим его, — говорил редактор стенгазеты, держа за пуговицу художника. — Курносого изображения его.

Через два дня, встретив художника, редактор сказал:

— Особенно, конечно, не нажимай на курносость и так далее. Все-таки, так сказать, руководитель... И напиши: «Дружеский шарж»...

— Да я знаю, знаю, — сказал художник.

В конце недели он подвел редактора к черной доске, на которой лишь были написаны мелком два слова: «Дружеский шарж».

— А где ж портрет?

— А я его силуэтом изобразил. Черный силуэт на черном фоне. Вот нос, вот подбородок... Художник водил пальцем по доске.

— Так, так, так, — сказал редактор. — Ну, и ладно. Прохва-

тили и ладно!.. А то знаешь, все-таки...

2. КОВЕР

Вслед за освоением цветов наступила эпоха ковров. Ковровизация была проведена прежде всего в кабинете начальника. Мягкий слой ковров покрыл здесь пол. Днем начальник сидел в кабинете, повернувшись к дверям спиной, и смеясь, беседовал с кем-то по телефону:

— Да, да... И я был пьян... Словом, совсем сизо, сизо... Потом забрался на стол, танцевал джигу... Деньги. Ну, это чепуха. Выведем. Должны же мы, так сказать, отмечать достижения...

И осекся. Сзади стояли секретарь и посетитель.

— Как же я не слышал, как вы вошли! — сердито крикнул начальник.

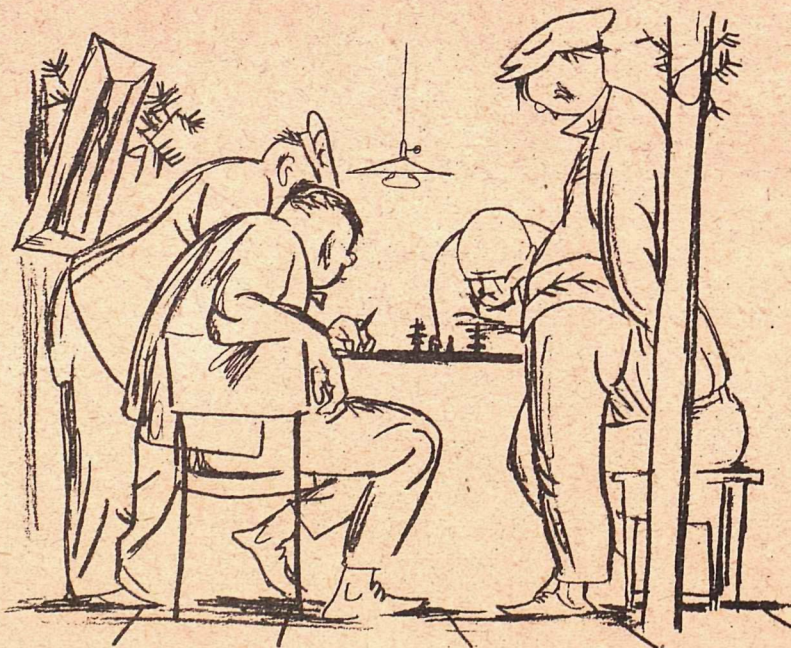
— А по коврам не слышать, — улыбнулся секретарь. — Вот, Викентий Иванович, товарищ хотят...

Забыв повесить трубку, начальник сурово взглянул на ковры. Вечером они были убраны.

Вл. ТОБОЛЯКОВ

В ДНИ ТУРНИРА

Рис. Л. Сойфертиса

— Ты сегодня играешь, как пятилетний Капабланка.
— Да что ты говоришь?
— Ну да. До шести лет он ведь тоже не умел играть в шахматы.

ИЗНУРИТЕЛЬНЫЙ СПОСОБ

Со студентом 2-го курса педагогического института Семеном Отнякиным случилась частичная катастрофа: студент Отнякин влюбился аккурат за месяц до январской зачетной сессии. При этом влюбился крайне неорганизованно — в студентку совсем другого вуза.

Отнякин полюбил именно Женечку, несмотря на несоответствие расписаний учебы у него и у нее. И полюбил, надо заметить, довольно горячо. Он, например, менял свои талоны на ужины на льготные билеты в кино в таком количестве и с такой переплатой, что неслыханно вздул цены на кинобилеты и создал нездоровый ажиотаж в своем общежитии.

Были решающие признаки и внутреннего свойства: не только сама Женечка, но и все, что было так или иначе связано с ней, приобрело для Отнякина неизъяснимый интерес и прелесть. Ее подруги по институту, сожительницы по комнате, старшие товарищи обоего пола и преподаватели казались Отнякину необыкновенно милыми людьми. Отнякину задним числом стал нравиться хромой ветеринарный врач, проживавший на родине Отнякина — в провинции. Прежде Отнякин смеялся над этим врачом, а теперь он сделался Отнякину чем-то вроде дяди, — и все потому, что это был ветеринар, и Женечка со временем готовилась быть ветеринаром. Да что там! Однажды Отнякин поймал себя на том, что на улице со слезами умиления любовался запряженной в полок тощей кобылой с голубым бельмом на левом глазу. И умиление в нем вызывало именно бельмо: бельмо-то надо лечить. А кто его будет лечить? Ветеринар. То-есть товарищ по профессии Жени Мумуевой... Милое бельмо!

Влюбленный Отнякин ежедневно встречался с Женей, провозжал ее на лекции и с лекций, поверял ей свои мечты и думы и проникновенным голосом сообщал:

— Сегодня ночью ты приснилась мне вся в белом на фоне стенгазеты. Как фея какая-нибудь с мирного времени...

Но именно глубина и восхитительная взаимность любви привели Отнякина, как мы уже указывали, к частичной катастрофе на январской зачетной сессии. Любовь отняла у героя нашего столько времени, что уровень его научных познаний сильно отстал от требований программы. А сессия зачетов требовала: знания на бочку! Отнякин стал догонять товарищей, глотал учебники, как факир в цирке глотает цветные шарфы, разбирался в каракулях, которыми украсили общие тетради его более исправные сокурсники, — словом, проявил совершенно бешеную энергию и способность к усвоению теории, фактов, цифр и дат.

Но невозможное есть невозможное. И на последний зачет — история литературы XIX века — Отнякину нехватало каких-нибудь четырех часов для подготовки. А между тем несчастье зачета грозило лично Отнякину сокращением стипендии и уменьшало шансы всего курса в соревновании по успеваемости.

И тогда Отнякин принял рискованное решение: пойти на зачет, как в штыковую атаку, на ура. Вместо артиллерийской подготовки перед этой атакой Отнякин задумал пустить двадцать человек своих со товарищей: утомленный проверкой их знаний противник... то-есть профессор, о котором было известно, что он — человек нервный, сильно утратит в способности сопротивления.

Так и было сделано. Отнякин явился в институт, сел под дверь в аудиторию, где совершалось таинство зачетов по литературе XIX века, и подобно полководцу, пропускал перед собой в аудиторию сокурсников. Впрочем, полководец судорожно перелистывал учебник, шепотом пытаясь впить в себя крохи и капли знаний, и нервно спрашивал соседей:

— Тютчев в какой половине века был?

— Ни в какой, — отвечали хорошо подкованные соседи.

— Как так ни в какой?!

— Тютчев, понимаешь ли, исхитрился и в первой половине писать и во второй...

— Ну, а Гаршин в какой половине?

— В третьей.

— Как это в третьей половине, что ты мелешь?!

— Да, Гаршин не в половине, а в трети. В третьей трети XIX века...

— Ну, и народец эти классики! Хлебом не корми, только бы им запутать человека, сбить с толку...

А между тем от профессора все выходило сдавшие зачет товарищи. «Артиллерийская подготовка» подходила к концу.

От экзаминатора выходит двадцатый товарищ... Будь, что будет! Отнякин входит в аудиторию.

Профессор проводит ладонью по уставшему лицу и безмолвно протягивает руку за зачетным листом. Кладет лист подле себя на столе и вяло начинает:

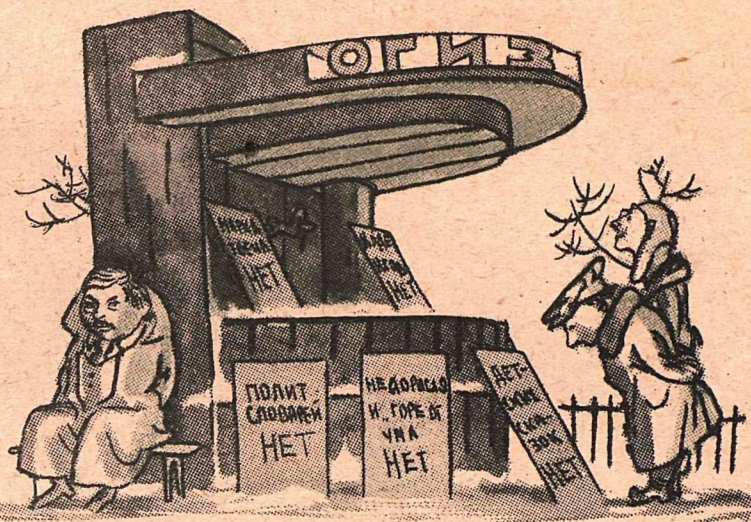
— Ну-с, что вы знаете о романе «Отцы и дети»?

В сущности, Отнякин кое-что об этом романе знал, так как читал его года полтора назад. Но в данный момент, так сказать, «в принудительном порядке», он решительно ничего не помнил о романе «Отцы и дети» и потому решил выгадать время.

— Что значит — знаю? — угрюмо переспросил Отнякин профессора.

— Ну, чей это роман?

Рис. Л. Сойфертиса

ХИЖИНА ДЯДИ ТОМСКОГО

— Что значит — чей? — повторил Отнякин.

— Ну, боже мой... Кто написал этот роман: Толстой, Чехов, Тургенев, Достоевский?..

Отнякин поднял глаза кверху и быстро произвел расчет: из четырех фамилий возможных авторов две начинаются с буквы «Т». Значит, указать на них — 50% попадания.

— Тургенев написал, — сказал Отнякин. — То-есть Толгнев. Профессор, рассеянно отвернувшись, уловил знакомые слова и заметил.

— Ну, правильно. Тургенев написал. А о чем там речь?

— Где? — спросил Отнякин.

— Ну, в «Отцах и детях».

Метод Отнякиным был найден: надо выиграть время. Отнякин переспрашивает:

— В «Отцах и детях»?

— Ну, да.

— В «Отцах и детях», там этого... говорится того... насчет отцов и этих... как их, детей.

— Ну, правильно. Тургенев описал два поколения своих современников. На чьей же стороне автор?

— Что значит — на стороне?

Профессор слегка бледнеет: артиллерийская подготовка дает себя знать.

— Чего вы не понимаете? Симпатии автора на стороне отцов или детей?

— Что значит симпатия? — на всякий случай говорит Отнякин, в то время как мысль его бешено работает. На чьей стороне мог быть автор? Тургенев? Мелькают в памяти красивая седая борода, пенсне и двустолбик... Ясно: с такой бородой можно быть только на стороне отцов. — Он был это... на стороне отцов... Хотя, так сказать... — на всякий случай страхуется Отнякин.

Профессор нетерпеливо перебивает.

— Ну, верно! Тургенев был на стороне старшего поколения, но пытался быть объективным... Гм... Много еще там студентов ко мне?

— Что значит... Пять человек.

— Гм... Ну, скажите мне еще, как назвался выведенный в «Отцах и детях» представитель нового поколения разночинцев?

— Что значит — назвался?

— Ах, боже мой... Ну, какое он себе имя выбрал, ну. Ну, «ниги...».

— Что значит «ниги»?

— Ну, «ниги...».

Отнякин отвернулся, чтобы подумать, и тут заметил свой зачетный лист на полу: очевидно, профессор рукавом смахнул. Отнякин нагнулся за листом (выгадывается время) и, деликатно кладя его на стол, сказал:

— Лист.

— Ну, правильно, — неожиданно махнул рукой профессор. — Ниги... лист. Видно, что вы знаете, а рассказывать не умеете. Где тут расписываться надо?.. Нате.

Отнякин, качаясь, принял лист из рук профессора.

— Да, скажите тем пяти товарищам, которые ко мне, чтобы приходили завтра: что-то я себя плохо чувствую.

— А я-то как плохо! — чуть было не сказал Отнякин.

Он вышел и, предупредив пришедших экзаменоваться студентов, деловито прокричал:

— Ребята, никто сегодня к Ветеринарному институту не пойдет?

— Я пойду, — раздался голос. — А что?

— Передашь там ребятам, чтобы сказали Мумуевой с 1 курса, что, дескать, Отнякин сегодня не придет.

— Что так? — спросили друзья.

— Сил нет. Очень у нас трудно на-шармака славать зачеты. Больше не буду. Изнурительный способ.

В. АРДОВ

Рис. Б. Малуховского

— Теперь, товарищи, когда мы потратили четыре часа на проработку проблемы о культуре в быту и чистоте, вопрос для нас как будто бы совершенно ясен.

ПАЛАЧ И КУЛЬТУРА

Именно, как это поется в одной из сегодняшних популярных песенок:

«Как много девушек хороших,
Как много ласковых имен...»

Одна такая девушка, по поручению датской газеты «Экстрабладет», пошла разыскивать ласковое имя на предмет разговора о культуре.

Ласковое имя оказалось под боком, тут же в Копенгагене. У ласкового имени имелись окладистая борода, лысина и сочная фамилия — Кристенсен. А кроме окладистой бороды и фамилии, у г. Кристенсена была также и временно оставленная профессия:

Государственный палач Копенгагена.

Девушка открыла блокнот и спросила у г. Кристенсена, что он думает о современной культуре.

— Надо рубить головы, — государственным баритоном мягко ответил палач. — С тех пор как в нашей дорогой Дании отменили рубку голов, культура стала заметно хиреть и чахнуть.

Девушка пометила у себя в блокноте:

«Пункт а): рубка голов».

Затем спросила еще почти-
тельнее:

— А кому временно не надо рубить головы, что делать с теми?

— Пороть и преимущественно публично, — вдумчиво заметил г. Кристенсен. — Культура требует некоторых отступлений от гуманности.

Девушка записала в блокнот: «Пункт б): пороть».

Потом пошла в «Экстрабладет» и сдала беседу с г. Кристенсеном.

И на видном месте самая популярная в стране газета поместила интервью с бывшим государственным палачом по вопросам культуры:

«Кому надо рубить головы и кого следует пороть».

И ласковое имя г. Кристенсена понесли, как знамя, девять депутатов парламента, внесших краткое и слегка мотивированное предложение:

«Предлагаем в целях культурно-воспитательных восстановить смертную казнь и порку».

Добавить к этому ничего не можем. Слишком уж хорошо высказались газета «Экстрабладет», бывший государственный палач и девять датских парламентариев.

Чем их переплюнешь?

ТАБУ

ХИМИКИ

Несколько десятков лет назад один молодой, талантливый писатель, переметнувшийся затем к классикам, спросил с душевным волнением:

— Можно ли соединить огуречный рассол с недоумением и какая от этого получится смесь?

До сих пор ответа не последовало.

Других мыслителей тревожила проблема:

— О влиянии краковской колбасы второго сорта на загробную жизнь.

Опять же результатов никаких. А скажите, пожалуйста, как делается мыло?

Скажем, если соединить соду с экспортной кожей? А? Не знаете? Не слыхали про такой способ приготовления мыла?

А вот у нас в Баку на товарной станции нашлись такие химики, которые наконец-то обогатили науку новым вкладом.

И все это сделал Григорий Померанцев. А потому он сделал, что человек он нервный и все норовит, как бы кому-нибудь в морду дать.

Недавно он избил экспедитора, а засим, не долго размышляя, заехал в морду весовщику. Те почему-то обиделись. Пошли жаловаться. У них спросили:

— Это какой Померанцев? Который заведующий погрузочным двором? Его трогать нельзя. Он человек нервный.

И вот по причине своей нервности Померанцев и открыл новый способ изготовления мыла.

Ходит однажды этот химик по двору товарной станции и занят серьезной думой:

«Кому бы сего числа морду побить?»

Вдруг видит: стоят два товарных вагона. № 467405 и 417080. А самое важное: против вагона № 467405 лежит экспортная кожа.

— Ага! — сказал Померанцев. И сказав «ага», сверкнул очами и вынул из кармана записную книжку и карандаш.

— Ага! — повторил он. — Запишем. Кто весовщик? Левонтьев. Запишем. Значит, в вагон, в котором лежала каустическая сода, теперь кладут экспортную кожу? Что же это такое делается? Запишем...

В тот же день Померанцев писал донесение начальнику станции Баку, Кочеткову:

«Мною обнаружено произведенное умышленное злоупотребление весовщиком Левонтьевым, так как он загрузил в вагон № 467405 кожу экспортную, не выделанную, а вагон не очищен от соды каустической, которая валялась насыпью в вагоне, а посему считаю, что вся кожа пропала, примите меры».

Кочетков, конечно, немедленно принял надлежащие меры. Не желая затруднять себя излишней проверкой фактов, он тут же сочинил донесение начальнику 4-го эксплуатационного района Хрусталеву:

«15 декабря весовщиком Левонтьевым в № 467405 погружена кожа экспортная вместе с содой каустической. А посему сода с'ела кожу и получилось мыло. Как поступить с мылом и весовщиком Левонтьевым».

Каким образом Кочетков догадался, что от соединения соды с будущим голенищем получается мыло, неизвестно. Во всяком случае, Хрусталева поверил в научно-популярный талант своего подчиненного. На этом основании он послал начальнику Закавказской дороги Розенцвейгу донесение, в котором подробно и беспристрастно изложил историю получения мыла на ст. Баку-Товарная.

Розенцвейг ничуть не удивился, даже не улыбнулся. Он издал приказ № 1 от 1 января 1935 года.

«Срочно арестовать на десять суток весовщика Левонтьева, без исполнения служебных обязанностей. А мыло продать с торгов, а вырученные деньги часть уплатить за претензию Кожсбыту и за соду каустическую. А остальные как доход включить в премии, и Померанцеву, как обнаружившему, выдать 25 проц.»

А в это время...

Зловредный весовщик Левонтьев продолжает жить и работать, не подозревая о новом научном открытии в области химии.

Его, коварного старика, вызывают в кабинет начальника станции. Тов. Кочетков деликатным голосом объявляет старику приказ.

Старик спокойно выслушивает и ехидно заявляет:

— Спасибо за одолжение. А только садиться под арест мы не намерены. Не заслужили. Чего и вам желаем...

— Что же ты премию нам сорвать хочешь?

— Премия вам, может, и полагается. Начальству оно виднее. А только документально докажу, что сода в вагон № 467405 грузилась в 1916 году. А кроме того...

— Что там еще?

Старик полез в боковой карман и вынул оттуда бумагу.

— А кроме того, кожу я погрузил не в этот вагон, а в другой, в № 417080. Вот в бумаге сказано. А насчет мыла...

И старик весело расхохотался.

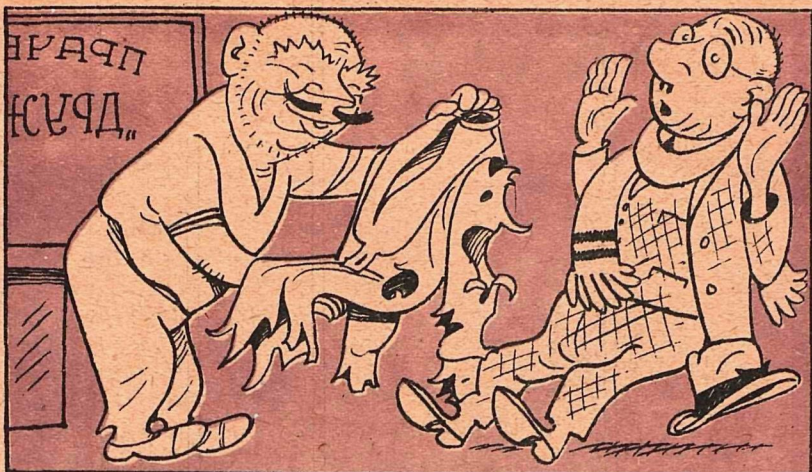
Так, дорогие товарищи, сорвалось важное научное открытие, и вот живем мы с вами и опять находимся в полном неведении.

— Можно ли соединить огуречный рассол с недоумением и получается ли мыло от смешения соды с подошвой?

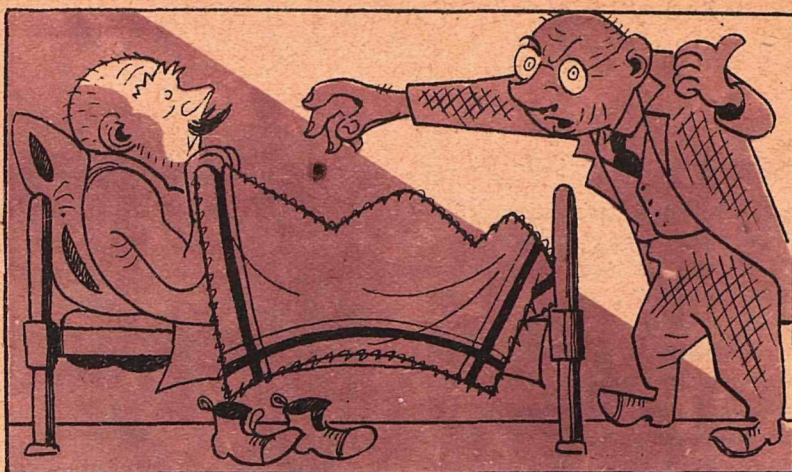
Г. РЫКЛИН

ЧЕЛОВЕК И РУБАШКА

Фактически-фантастическое происшествие в 8 рисунках худ. Ю. ГАНФА

Так было... Заведующий прачечной «Дружба» И. П. Синькин выдал заказчику Зубееву побывавшую в стирке рубашку.
 — Что вы сделали с ней? — скорбно спросил заказчик. — Я вам дал одну большую рубашку с маленькой дыркой для запонки, а вы мне возвращаете одиннадцать больших дыр и маленький кусок полотна.
 — Секрет производства, — безучастно ответил И. П. Синькин. — Не нравится, стирайте сами!

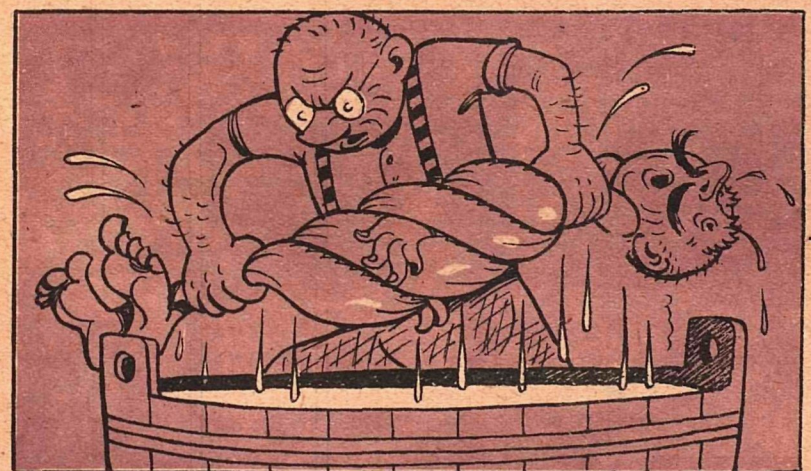
И приснился ночью сон И. П. Синькину: будто бы пришел к нему заказчик Зубеев и сказал полузагробным голосом:
 — Пойдем стираться. Я тебе покажу секрет производства.

И погрузил грозный заказчик И. П. Синькина в бак с кислотой.
 — Я не хочу в кислоту, — с детской грустью заметил И. П. Синькин. — Мне не очень нравится в кислоте.
 — А рубашке нравится? — хмуро спросил заказчик. — Сиди!

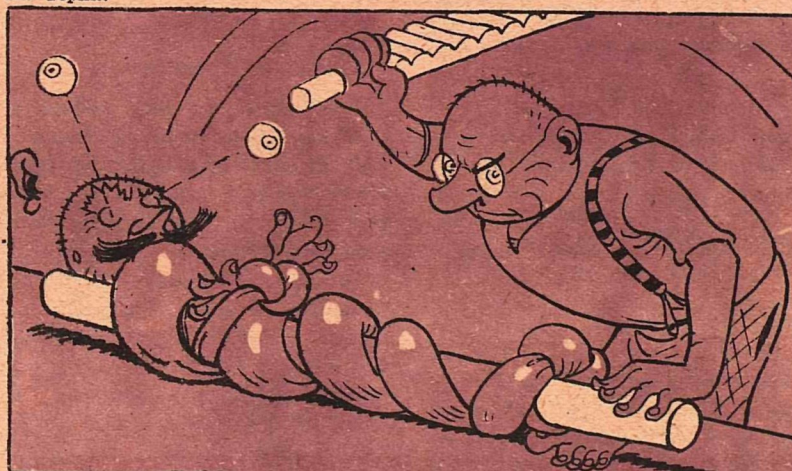

И стал он метательно вращать И. П. Синькина в кипятке при помощи грубой палки.
 — Я буду в дырах, — пессимистически вздохнул Синькин.
 — Будешь, — равнодушно согласился заказчик, — как и наши рубашки. Терпи!

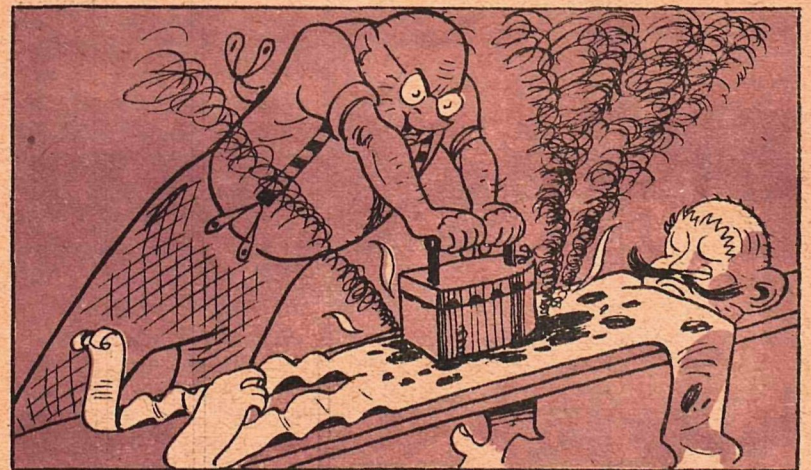

— Не скручивай меня доотказу! — умолялся Синькин. — Зачем? Что я тебе сделал?

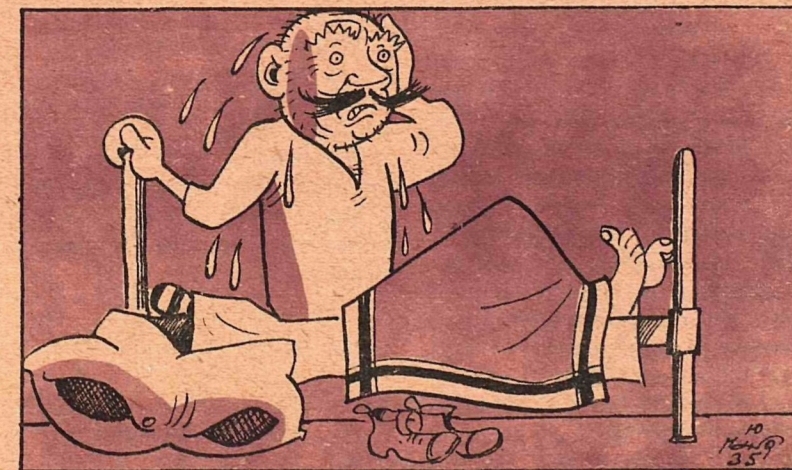
— А что тебе сделала моя рубашка?

— Если можешь, — в глубоком отчаянии попросил Синькин, — не убивай меня. Я еще молод и хочу жить.
 — Рубашка тоже была молодая и тоже хотела жить.

И стал заказчик гладить Синькина.
 — Из меня, кажется, идет дым, — с философской покорностью заявил Синькин. — Если ты хочешь меня прожечь насквозь, — не надо. Я этого не требую.
 — Рубашка тоже этого не требовала. А что ты сделал?

И когда проснулся И. П. Синькин, он тоном искреннего раскаяния сказал:
 — Как хорошо, что я не рубашка!
 Это была первая добросовестная фраза, произнесенная заведующим во вверенной ему прачечной «Дружба».

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

В Омске на городской почте за ручку берут рубль залога. А за разговор по телефону-автомату — три рубля залога. Только на тебя надежда, напиши об этом, пожалуйста, а то придется давать телеграмму, так они еще за телеграфный аппарат начнут брать залог. Чтобы не стеснили.

С. ВАЯЧИН.

Омск.

Дорогой Крокодил!

Пишу тебе по банному делу. У нас в Канске не полагается света в городской бане. Приходится приносить свой. Некоторые граждане фонари пригаскивают. Некоторые — свечи либо лампы. Я сам на днях так мыл сына: правой тру, а в левой держу электрический фонарик. Что же это такое? Напиши, пожалуйста. А то еще готовую мыльную пену с собой из дома захватывать придется.

Н. ВЛАСТЕЕВ.

Канск.

Дорогой Крокодил!

Ты сам понимаешь, как трудно мыться без воды, а если с тебя еще за это четыре рубля берут, — это уж совсем из рук вон плохо. Пошла я в одну из одесских бань, где заведующим Фридман. Заплатила 4 рубля за ванну, поднялась наверх, предъявила билет, а мне говорят: «На сегодня воды не предполагается». Я, конечно, обратно в кассу: «Выдайте мне мои четыре рубля назад». Не выдают. «Сидите и дожидаетесь воды». — «А она будет?» — «Вряд ли». — «Так чего же я буду дожидаться?» — «Тогда уходите, мы вас не задерживаем». Пошла я к заведующему Фридману. — «Нет, — говорит, — денег мы обратно не отдаем. Убыточно это. Мы на хозрасчете». Так и не отдали. Дорогой Крокодил! Что же будет с моими четырьмя рублями, с водой и с банным хозрасчетом в Одессе?

Б. КОГАН.

Одесса.

ПРАВИЛЬНОЕ ПЕРЕМЕЩЕНИЕ

Рис. Л. Генча

ЗАКАЗЧИЦА: — В вашей фотографии вы должны говорить «спокойно» не при фотографировании, а при выдаче карточек.

Дорогой Крокодил!

Пожалуй, ты уже забыл о той болезни, которой болели еще недавно многие наши кооператоры. Болезнь эта называлась принудительным ассортиментом.

А вот универмаг в Токмаке еще и поньше болеет ею. Я хотел купить одну тетрадь за пятак в этом универмаге, но мне предложили купить их сразу целым пакетом на 3 рубля. В этом пакете тетрадей оказалось всего лишь на 75 коп., а на остальную сумму — ручка и книга «Университет Октября».

Я люблю читать книги, но в «Университете Октября» как ученик 2-го класса я ничего не пойму.

Правильно ли я поступил, дорогой Крокодил, попросив у них взамен «Университета Октября» жалобную книгу универмага?

КОЛЯ ПОЛЯНСКИЙ.

Кир. АССР, Токмак.

Дорогой Крокодил!

Филиал Укркнигторга из Запорожья - Каменского послал в Одессу срочное письмо

мо на имя уполномоченного Комиссии советского контроля по Одесской области. Письмо в Одессу пришло в срочном порядке, но в таком же порядке оно вернулось обратно с припиской одесской почты на конверте: «Уполномоченный Советского контроля ликвидирован».

Пораженные этим известием, о котором мы не читали в газетах, а только узнали от одесской почты, спешим познакомиться с ним и твоих читателей, дорогой Крокодил.

И. ВАСИЛЬЕВ.

Запорожье-Каменское, Днепропетровск. обл.

Дорогой Крокодил!

Может, об этом даже неприлично писать, — не знаю, но уж очень положение создалось плохое. У нас в главной конторе Енакиевского металлургического завода (Донбасс) работает человек 500 служащих да столько же посетителей. И всего две уборных. С мужской немного легче, — там очередь, но не очень большая: всего минут 15—20 стоять приходится. А

с женской — хуже. Почти всегда закрыта она. Тогда проф-организатор додумался вот до чего: организовал особое дежурство у уборных. Стоит специальный человек и регулирует движение. Кого — куда. Без семафора, конечно, но с подниманием руки. Поднял правую, — женская очередь движется. Поднял левую, — женская замирает, мужская движется. Для тебя, дорогой Крокодил, может, это и смешно и мелко, а для нас прямо зарез. Помоги нам и заставь сделать для нас лишнюю уборную.

А. КОЛЬВЕ.

Енакиево, Донбасс.

Дорогой Крокодил!

У нас в Воронеже хирурги ходят с браунингами, а терапевты — с берданками укороченного образца.

Произошло это после пожара на складе клинической больницы, когда врид Облздрава г. Разовский немедленно военизировал медицинский персонал и вменил ему в обязанность ночные обходы для проверки сторожей.

Как ты полагаешь, дорогой Крокодил: не следует ли все-таки вернуть врачей к исполнению их прямых обязанностей, а нести сторожевую службу предоставить сторожам? Пусть это будет менее оригинально, но зато гораздо целесообразнее.

Б. ИОСИН.

Воронеж.

Дяденька Крокодил!

Хочу тебе пожаловаться на журнал «Мурзилка». Мне восемь лет, и я его всегда читаю. И вот в «Мурзилке» № 11 написано про самолет «Максим Горький» очень даже интересно. И вот там есть объяснение, что такое АНТ. Там сказано, что его выдумал АЛЕКСЕЙ Николаевич Туполев, а я сам знаю даже хорошо, что дяденьку Туполева зовут Андрей, а не Алексей. Дяденька Крокодил, прошу повлиять на тетеньку «Мурзилку», чтобы она нас не путала.

ЮРА ДЕУЛИН.

Москва.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

МРАЧНОВАТЫЙ КОЛОРИТ

Судя по приключенческим романам XIX столетия, морские пираты очень любили поднимать флаги с черепами и скрещенными костями. На море, особенно в соответствующие моменты, это, может быть, и было очень эффектно и увлекательно.

Но на печати советского учреждения подобная эмблема выглядит более чем странно. Тем не менее Маргрэс в г. Козьмодемьянске пошел на этот риск и являет изумленному миру следующую официальную печать:

А также ВЕРИТЬ зачеркнутому "подписания обоями
оо вставка" "установления станции".

Инспектор Горьк. Краев. Управл.

ПЕТМС

ДОВЕРЕННОСТИ:

Зав. группой канцелярий
МАРГРЕСС

Адреса судов:

1. г. Козьмодемьянск ММО Маргрэс.

2. г. Горький, ул. Филаретовская 5. Трудколхоз. Управление

Мы горячо рекомендуем Маргрэсу или немедленно уничтожить такую печать или уж, как это говорится, целиком и полностью перейти на пиратский фольклор и рассылать счета с приложением отпечатка кровавой руки, а принимать посетителей в багровых капюшонах и с топорами за поясами.

ЛЕТАРГИЧЕСКИЙ СОН

Человек лег спать. И проснулся... через несколько лет. Сейчас же после пробуждения означенный индивидуум составил «Темы для рабочего изобретательства полтавской книжной фабрики «Полиграф».

А пункт третий этого печатного труда гласит буквально следующее:

...Указанные выше изобретатели имеют право зарегистрироваться на бирже труда, хотя бы они и не были членами профсоюза... Предприятиям и учреждениям разрешается принимать зарегист-

рированных на бирже труда изобретателей на работу помимо биржи труда с последующим уведомлением ее о найме.

Биржа труда?! Ведь этот институт давным давно ликвидирован. Может быть, это опечатка, может, это просто извлекли на свет старый, завалившийся плакат?

Увы, означенный плакат отпечатан тиражом в 100 экземпляров полтавской полиграфической фабрикой им. Сухомятина 3 января 1935 года. Заказ № 129. Горлит № 8.

ГЛАЗ НА МЕШКЕ

Газета «Красный текстильщик» открыла новое свойство обыкновенной тары.

В № 127 она помещает такой заголовок:

«Нет хозяйского глаза на мешке».

Смеем уверить «Красный текстильщик», что безглазый мешок — это еще не такое несчастье. Вот безглазый редактор, пропускающий подобные заголовки, явление более прискорбное.

ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬНОСТЬ СТИХОМ

Очень трудно вложить бодрый оптимизм, политическую безграмотность и изысканные рифмы в одно и то же стихотворение. Очень. Но поэт из газеты «Сталинец» (Макушинский район) преодолел эти трудности и в стихотворении «Без карточек» пишет:

Ты слышишь теперь кооператор,
Ты слышишь торговая сеть,
И слышишь ли ты организатор
Что ваша возможность уж есть.
Отмена карточной системы
Победа нового блещит,

Ею руним вражеские стены,
Кто помещать нам захотит.

Над флагом партии вождя,
Мы все победы одержали
Еще одержим мы друзья,
И врагам народа дадим всегда
отпор.

Печатать такие стихи надо только в полной темноте, чтобы их не было видно, а читать их около камнедробилки, чтобы не было слышно. При других обстоятельствах они не годятся.

ТЕОРИЯ СОБСТВЕННОЙ СМЕРТИ

В одном из колхозов Новопокровского района существует особая теория о естественной смерти кур.

По крайней мере по поводу безобразной гибели кур за последнее время правление колхоза представило в оправдание

следующую справку от зав. вет. пунктом Горченко:

Выдано на павших курей колхоза в том, что они умерли своей собственной смертью от недоедания.

Бедные куры, которым приходится жить с такими людьми. Может, поэтому они и не живут, а умирают.

НЕБЫВАЛОЕ

Разные бывают причины выпечки хлеба, но такой, о которой сообщает «Красный водник» в № 27, еще никто и никогда не слышал.

Вот это коротенькое, чисто эпическое сообщение:

«Пекарня реммастерских «Красные баррикады» несвоевременно выпекает хлеб, создаются очереди.

14 января хлеб ставить было не на чем: дрожжи выпили пекаря».

ЗАРЯ В РОЛИ ДОМХОЗЯЙКИ

В одном из последних номеров журнала «На суше и на море» помещено стихотворение Б. Агапова «Лыжный пробег».

По снегами тропиночка — где ж она?
А ночами хрустальными падает луна.

Нам не есть, не спать — на Север путь,
Далеки места, а на плечи пуд.

Внимание! Ребята, в ряд,
Сил заряду напружим тужел
Рваная, спеша, заря,
Нам в небе сготовить ужин.

Уже не говоря о том, что у зари есть дела поважнее, чем сготовить ужин, все стихотворение написано так, будто строки «раз'езжаются», как лыжи у начинающего лыжника.

КОНКРЕТНОЕ ЗАМОРАЖИВАНИЕ

Город Армавир не лежит в полосе вечных льдов. И сотрудники суда и прокуратуры не живут там на льдинах.

Так что соответствующим организациям позаботиться о том, чтобы им было тепло, очень не трудно. И тем не менее нам приходится познакомить читателя со следующим печально любопытным документом:

Акт.

1935 года января 9 дня. Общественный инспектор охраны труда при МК работников суда и прокуратуры Позднякова составила настоящий акт в нижеследующем:

Сотрудники суда и прокуратуры, несмотря на 10 часов утра, к работе не приступили. Причиной этого — леденящий холод в здании.

За отсутствием термометра установить градусы температуры не представлялось возможным, но показателем служит графин с замерзшей водой в кабинете судьи Янова и замерзшие слезы на глазах сотрудниц суда и прокуратуры.

На днях болела сотрудница прокуратуры Бочкова, 4 дня болеет машинистка Хачикова вследствие опухоли рук.

Производительность труда дошла до нуля.

Об изложенном довести до сведения МК суда и прокуратуры, райсовпроф и крайпрокуратуру на предмет принятия срочных мер.

Ип. общественный инспектор труда Позднякова.

Мы не кровожадны и не требуем мести до седьмого колена. Мы только хотим, чтобы при расследовании этого дела вторично появились слезы в качестве вещественного доказательства. Но не у тех, которые мерзли, а у тех, которые не отапливали.

НЕТ МЕСТА

Как правило, человеку всегда должно оказываться предпочтение перед животным. И только в одном месте, в отделе объявлений куйбышевской газеты «Коммуна», эта несколько не наблевшая проблема была поставлена на принципиально новые рельсы.

Когда работница финансового отдела Приволжского военного округа Вера Васильевна Дворковская хотела дать в газету

объявление о розыске ее пропавшей дочери Наталли Николаевны, ей-было в этом отказано на том основании, что для таких объявлений в газете нет места.

Однако для объявлений о пропаже собаки, коров и прочей домашней живности работники отдела объявлений умудряются находить место. Очевидно потому, что сами эти работники явно не на месте.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ.

Редакция: Л. ГИНСБУРГ, В. ЕРИМЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ.

Рукописи не возвращаются.

Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) «ПРАВДА»

Москва. Изд. № 174. Сдача текста и рисунков 7/II-35 г. Подпись к печати—16/II-35 г. Статформат А9—220×333. Печатных листов 3. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000

Уполномоченный Главлита № Б—1781. 2-й филиал тип. газ. «Правда» им. Сталина, Москва, Сушевский вал, 49. Зак. № 69. Тираж 300.000

50

190 МАР 1935

М 1484 ✓

КВАЛИФИКАЦИЯ ПОМОГЛА

Рис. Л.Бродаты

— Удивляюсь, герр Пауль, как это вам удалось выкопать на нашей берлинской свалке коробку консервов?
— Ничего удивительного в этом нет: ведь я по специальности археолог!